

«...И ГРЯДУЩИХ ВЕКОВ ГРАЖДАНИН»

БОЛЕЕ ста тридцати лет назад Виссарионом Белинским было сказано о Пушкине: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставляет следующей за ней эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего».

Сборник стихов и высказываний «Советские поэты о Маяковском», составленный В. В. Макаровым и выпущенный в свет издательством «Советский писатель», лишний раз убеждает в том, что к таким «вечно живущим и движущимся явлениям», «продолжающим развиваться в сознании общества», принадлежит и великий поэт советской эпохи, трибун пролетарской революции Владимир Маяковский. «Высокий, как знамя, взметенное в чистой июньской несношенной голубизне» (Н. Асеев), он раздвинул привычные рамки истории литературы, стал знаком, символом новой эры в истории человечества.

«Его образ и его поэзия, — писал о своем старшем современнике чилийский поэт Пабло Неруда, — остались букетом бронзовых цветов в руках Революции и нового Государства. Это прочные, ладно сработанные из металла цветы, и семена их всходят повсюду. Подхваченные ветром Революции, стихи Маяковского стали участниками ее свершений. Именно в этом — величие его судьбы».

И именно поэтому, как отмечается в предисловии к сборнику, «нет, точнее, почти нет ни одного крупного советского поэта, кто бы не обратился в своей поэзии к образу Маяковского и его традициям». Это не просто дань почтительного восхищения и преклонения, но естественное выражение глубокой внутренней потребности взглянуть в облик великого «агитатора, горлана-главаря», приобщиться к чистому пламени его гражданской и поэтической страсти, поверить Маяковскому свою жизнь, свое творчество.

Объемистая книга, вобравшая в себя произведения более чем ста пятиде-

сяти авторов, пишущих на двадцати языках народов СССР, — отнюдь не исчерпывающий свод всего сказанного в стихах и прозе о творце «Облака в штанах», «Владимира Ильича Ленина», «Хорошо!», «Во весь голос». Перед нами скорее краткая антология избранных стихотворений и высказываний, лишь первая, но весьма удачная попытка набросать коллективными усилиями портрет Маяковского, поэта и человека, очертить контуры прекрасной и драматической легенды, сросшейся в нашем сознании с его именем.

Очень разные авторы у этой книги. Среди них и те «птенцы гнезда Владимирова», кто, подобно Семену Кирсанову, мог с законной гордостью воскликнуть еще при жизни учителя, в 1925 году:

Я счастлив, как зверь,
до ногтей, до волос,
я радостью сиручен,
как выгоей,
что мне с командиром
таким довелось
шаландаться по морю
юнгой.

И младшие современники поэта, бравшие у него уроки подлинной гражданственности и абсолютного творческого самозабвения, имеющие право сказать о нем и о себе, как Ярослав Смеляков:

Счастлива я, что его застал
И, стихи заучив до корки,
На его вечерах стояла,
Шею вытянув, на галерке.

И те, к кому Маяковский пришел, уже воплотившись «в пароходы, в строчки и в другие долгие дела», учившиеся у него, как Белла Ахмадулина, молодой дерзости, раскованности, неукротимому жизнелюбию:

Пусть смерть над грудью
залагла тонко —
Сердца такого гул не унять,
Идем к Маяковскому мы,
потомки,
Чтоб полюбить, поддержать,
понять.

Максим Рыльский и Владимир Луговской, Александр Прокофьев и Сamed Вургун, Анна Ахматова и Михаил Светлов, Петрусь Бровка и Александр Чак, Николай Грибачев и Мир-зо Турсун-заде, Михаил Луконин и Геворг Эмин... Поэты разных поколений, жизненного и литературного опыта. Естественно, что и Маяковский в их стихах предстает разным, одновременно похожим и непохожим на себя, откровенным и скрытым, словно заново, словно впервые.

Если Василию Каменскому, знавшему Маяковского еще со времен «Пощечины общественному вкусу» и «Садка судей», он откры-

вался и помнился прежде всего как «друг и товарищ Володя-Маяк», как «широкий затейщик, словесный вояк, всегда в баррикадном ударе», то Михаилу Кулиничкому во Владимир Владимиче виделся уже «человек огромный, как Пётр». Если для Павла Железнова важно в первую очередь то, что Маяковский «был безжалостен с врагом» и «всех мастей рвачей и выжиж, темноволосых, лысых, рыжих, — давил стихом, как сапогом», то Давиду Кузьмичеву хочется напомнить и о том, что поэт-трибун, «по острым граням идя незащищенной душой, сам был изранен... О, как был изранен — плечистый эрот, каменный, большой!»...

Разумеется, «полководец беспощадных слов, побратим играющего грома, мастер атакующих стихов» Георгий Леонидзе непохож на «архангела-тяжелоступа» Марины Цветаевой. А «прораб Маяковский», кто, по словам Марка Лисянского, стоит «на строительной площадке, озирая простор», нетождествен Маяковскому Веры Звягинцевой, запомнившей после неправдоподобно-давней встречи с поэтом, что «гений может разговаривать не очень громко и сердечное». У каждого из нас, тем более у каждого из поэтов, — свой Маяковский, как и свой Пушкин.

И все-таки, сколь бы разным ни предстал Маяковский, человек-легенда, в восприятии современников и потомков, он всегда един, всегда равен самому себе, он и сейчас, спустя четверть с половиной десятилетия после смерти, пробуждает творческое вдохновение, зажигает сердца. Недаром же Вера Инбер признавалась, что, «начав писать о нем, испытываешь жаркое волнение, точно от близости к вулкану, еще не остывшему после извержения».

Это жаркое волнение, возникающее от неодолимого порыва проникнуть в заповедный мир души великого поэта, как бы цементирует книгу «Советские поэты о Маяковском», делает коллективный портрет «Данте пролетарской эры» цельным, гармоничным в своей диалектической противоречивости и многогранности... Маяковский, ставший, по выражению Павла Антокольского, «цветом и краской всей поэзии XX века — мировой, не только нашей, и сейчас «меряет время шагами своих стихов» (Евг. Евтушенко), оставаясь навсегда нашим современником и грядущих веков гражданином.

Сергей ЧУПРИН